

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Исаев Д.П.

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»: 50 ЛЕТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

В данной работе мы кратко рассмотрим историю появления и бытования термина «историографический источник» в отечественной историографической науке. В лексическом арсенале историографов он появился в середине 1960-х гг., когда его впервые применил С.О. Шмидт [10]. И сегодня, когда появились предложения отказаться от его использования, возникает потребность в целостном взгляде на попытки содержательного определения, практики использования, эволюцию понятия за эти полвека, чтобы подумать о его дальнейших перспективах. Необходимо сказать, что к истории понятия историографы неоднократно обращались, в том числе, в критических целях [6; 9]. Нашу же задачу мы также видим в том, чтобы трансформацию понятия поместить в условия парадигмальных сдвигов, отразившихся на образе современной историографии.

Итак, на 1960–70-е гг. приходится определение предметного поля отечественной историографической науки как самостоятельной исторической дисциплины, формирование ее понятийно-категориального аппарата и т.д. Знаковым событием в этом процессе выступило начало издания периодического сборника «История и историки». Кстати говоря, в первом номере главный редактор М.В. Нечкина еще использует словосочетание «источники историографии», сама множественная форма которого свидетельствует о преимущественном внимании к такому его признаку как *содержание* этих источников [8, с. 10].

Во второй половине 1970-х гг. в стране развивается очередной методологический бум, касающийся теоретических проблем исторической науки в целом, источниковедения. Не обошла и историография. В 1980 г. выходит сборник «Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки», ставший важным историографическим фактом в развитии дисциплины. Помимо размышлений о предмете и задачах историографии, историографическом факте, большое внимание авторами было уделено историографическому источнику. Попытаемся обобщить наиболее важные авторские позиции. Исходной посылкой определения историографического источника являлось наличие в нем историографической информации. Как писал В.И. Дурновцев, «наличие историографической информации в историческом источнике и вовлечение его в сферу историографического познания являются условиями конституирования его как источника по истории исторической науки [7, с. 49]. Обратим внимание и на второе условие, которое ставит проблему позитивного определения понятия в зависимости от поставленных историографом познавательных задач (иначе – от предмета исследования).

В дискуссионных условиях наметилась тенденция в пользу расширения информационного пространства. По словам Л.Н. Пушкарева, им может являться любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки [7, с. 102]. Авторы высказывали мнение, что историографический источник может и не содержать прямую историографическую информацию, но «выражать “макроклимат”, общественную атмосферу, которая... влияет на развитие исторической науки» (Е.Н. Городецкий) [7, с. 120]. Как вариант «широкого» понимания источника – точка зрения Ю.В. Качановского, предложившего рассматривать, к примеру, письма фронтовиков в качестве историографического источника при изучении влияния исторических трудов на общественное сознание [7, с. 73]. Таким образом, оказалось необходимым уточнить, что существует и опосредованная историографическая информация, относящаяся к личностному или социальному плану. Очевидно, что под прямой историографической информацией понимались суждения историков о тех или иных аспектах изучаемой ими исторической реальности.

В послесловии М.В. Нечкина предложила, что историографический источник может и не содержать в себе историографического факта, но способен объяснить эпоху, в которую создано то или иное историческое сочинение [7, с. 136–137]. Заметим также, что рефлексия об историографическом источнике шла в непосредственной связи с осмыслением другого сложного понятия «историографический факт».

Итог размышлениям того времени об историографическом источнике был подведен в работе А.И. Зевелева, в немалой степени вобравшей опыт рефлексии авторов сборника. По его словам, «историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования». Таким образом, была установлена зависимость источника от предмета исследования, что закрепило отношение к нему прежде всего как средству, хранилищу информации. При этом, автор согласился с «широкой» трактовкой, включая в круг источников и те, которые не несут прямой «историографической нагрузки», «но связаны с условиями, в которых осуществляется социальная функция исторической науки» [7, с. 120].

Обратим внимание на характерные черты данного этапа. Советская историография воплощала в себе типичные черты классической науки с ее объективистской ориентацией на познание инвариантной исторической реальности. Естественным образом предполагалось, что труды ученых должны в целом ее адекватно отображать, реализуя, таким образом, основную функцию науки. Отсюда внимание к этим историографическим источникам как посредникам изучения той единственной реальности. Историк же должен был воссоздать картину прошлой реальности и познакомить с ней остальных. Сосредоточив свое внимание на «содержании» «историографического источника», теоретики не ставили перед собой задачу изучения его «природы». Внимание же к общественной атмосфере, говоря сегодняшним языком, социокультурному контексту, который его и породил, определялось тем, насколько контекст мог ускорить или затормозить процесс научного познания. Что и подводило советских историков к необходимости расширительного понимания историографического источника, чтобы вспомогательные материалы позволили уловить указанные влияния.

Известные попытки конструирования нового видения историографического источника на постсоветском историографическом пространстве обнаруживаются в начале XXI в. В работах О.Б. Вовка, В.П. Корзун и ее коллег, Г.М. Ипполитова заметна некоторая переориентация в сторону учета социокультурной среды, влияющей на процесс производства исторического знания. Отсюда внимание к индивидуальным, социально-психологическим аспектам творчества, которые зафиксированы прежде всего в источниках личного происхождения. Разница с предшествующей парадигмальной установкой видится прежде всего в том, что от оценочной характеристики внешней среды историографу предлагается перейти к функциональной и воспринимать ее как необходимую данность. Однако, сохраняется при этом расширительное понимание источника, куда может войти все, что касается историографического процесса. Дифференцируя весь корпус историографических источников, В.П. Корзун предложила в нем выделять основную (произведения историков) и вспомогательную (для воссоздания атмосферы) группы. Г.М. Ипполитов же разделил их на, собственно, историографические, и исторические источники, задействованные в историографическом исследовании [2; 3; 5].

В качестве логического развития указанной трансформации (обращение к «микрокосму») в понимании историографического источника выступила концепция М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко. В рамках переосмысленной ими дисциплины источниковедения историографии авторы предложили узкую трактовку понятия. Отталкиваясь от теоретического представления об источнике как «объективированном результате творческой деятельности человека», они определили в качестве историографического источника лишь «произведения историков, которые реализуют функции презентации и позиционирования исторического знания» [6, с. 89]. Безусловная важность такой трактовки видится в том, что в ней происходит отказ от внимания только к содержанию, следовательно, потребительского отношения к источнику. И это обогащает понимание источника как продукта культуры. «Экспликация видовой природы источника» позволяет обратиться к проблеме его целеполагания. Иначе говоря, содержание источника из исходного материала само превращается в объект исследования. Естественным образом, вопрос о том, почему произведение ученого получилось именно таким, следует связывать теперь не столько с изучаемой им исторической реальностью, сколько с реальностью самого историка. Очевидна иная парадигмальная установка, в которой видны конструктивистские элементы.

С другой стороны, предложенная дефиниция содержит и нерешенные проблемы. Так, Н.Н. Алеврас, комментируя историографический источник как «базовое понятие источникове-

дения историографии», закономерно задается вопросом о том, насколько продуктивным будет узкое его понимание в такой дисциплине как историография в целом, предметное пространство которой значительно шире [1, с. 105–106]. В позитивной части своей программы Н.Н. Алеврас, отталкиваясь от суждения О.М. Медушевой, что различные прилагательные к существительному ИСТОЧНИК говорят не о его природе, а о сфере исследовательского интереса. Помещая историческое знание в целостное пространство гуманитарного знания, по мнению историографа, можно обойтись и без прилагательных «исторический» и «историографический», поскольку «результаты научной деятельности историков находятся в общей совокупности интеллектуальных продуктов системы информационного ресурса гуманитаристики» [1, с. 116–117].

Таким образом, на повестке дня решение вопроса: произведения историков – это главный, один из, единственный историографический или просто источник? Попытка вернуть в центр историографии научную идею в рамках концептуалистского подхода не всеми может быть разделена, настолько разрослось ее объект-предметное пространство (результаты интеллектуальной деятельности ученых, организационная инфраструктура, социокультурный контекст, жизненный мир и т.д.). Исследовательские же практики историографов, все с большей охотой использующих и вводящих в научный оборот документы личного происхождения историков, показывают, что для них узкое понимание историографического источника будет скорее контрпродуктивным.

1. Алеврас, Н. Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений / Н. Н. Алеврас // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 11. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 100–121.
2. Бычков, С. П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. Пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2001. – 359 с.
3. Вовк, О. Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник / О. Б. Вовк // Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. – Харків : НМЦ СД, 2000. – Вип. 4. – С. 48–55.
4. Зевелев, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев. – М. : Высшая школа, 1987. – 160 с.
5. Ипполитов, Г. М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 13. – №3(2). – 2011. – С. 501–509.
6. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 11. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 77–99.
7. Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин : Калининский гос. университет, 1980. – 142 с.
8. Нечкина, М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) / М. В. Нечкина // История и историки. Историография истории СССР. – М. : Наука, 1965. – С. 6–21.
9. Соломаха, Е. Н. Понятие историографического источника и историографического факта в советской историографии / Е. Н. Соломаха // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 10-3. – С. 23–24.
10. Шмидт, С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки / С.О. Шмидт // Труды МГИАИ. – М. : МГИАИ, 1965. – Т. 22. – С. 3–49.

Маловичко С.И.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ВИДОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНЫХ КНИГАХ ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Тема настоящего сообщения связана с изучением актуальных проблем источниковедения историографии Научно-педагогической школой источниковедения (сайт Источниковедение.ru).

Целью исследования является анализ практики позиционирования видов историографических источников в учебных книгах, в первую очередь, по историографии истории России, но для большей репрезентативности проведенного анализа я выбрал по одной украинской и белорусской книги, посвященных историографии национальной истории. Считаю важным выявить релевантность позиционируемого в учебных книгах подхода к историографическому источнику.